

Опыт сравнительного виктимологического мониторинга приграничных районов Беларуси и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области)

А.А. Бочков, В.Г. Стаценко

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В 2013–2014 годах совместными усилиями исследователей юридического факультета Витебского государственного университета и факультета психологии и права Смоленского гуманитарного университета осуществлялся комплексный сравнительный анализ виктимологической ситуации в приграничных районах Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области).

Цель научной работы – комплексное сравнительное исследование виктимологической ситуации в приграничных районах Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области).

Материал и методы. В рамках исследования проводился мониторинг виктимологической ситуации в Витебской области РБ и Смоленской области РФ с использованием таких инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений, виктимности населения в целом, как так называемый виктимологический опрос граждан, экспертный опрос работников системы уголовной юстиции и формально-правовой анализ уголовных дел по видам преступлений.

Результаты и их обсуждение. Проведение мониторинга виктимологической ситуации и анализ его результатов позволили оценить:

- мнение респондентов об уровне их защищенности от криминального воздействия;
- характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации;
- «качество» посткриминального поведения и активность потерпевших в уголовном процессе;
- уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений.

Заключение. Проведенное исследование показало необходимость совершенствования законодательства в части защиты прав и законных интересов потерпевших и разработки системы организационно-правовых и профилактических мер предупреждения развития криминальной виктимности в приграничных районах.

Ключевые слова: приграничные районы, преступность, жертвы преступления, виктимность, виктимологическая ситуация, виктимологический опрос, экспертный опрос, уголовный процесс, правовой статус потерпевших.

Experience of Comparative Victimology Monitoring of Belarus and Russia Borderline Areas (Vitebsk and Smolensk Regions)

A.A. Bochkov, V.G. Statcenko

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

In 2013–2014 by joint efforts of researchers of the Law Faculty of Vitebsk State University and the Faculty of Psychology and Law of Smolensk Humanitarian University a comprehensive comparative

study of the victimological situation in the borderline areas of the Republic of Belarus and the Russian Federation (Vitebsk and Smolensk Regions) was carried out.

The purpose of the research is a complex and comparative study of the victimological situation in the borderline areas of the Republic of Belarus and the Russian Federation (Vitebsk and Smolensk Regions).

Material and methods. The study monitored the victimological situation in Vitebsk Region, Belarus, and Smolensk Region of Russia, using such tools to provide representative and valid data on victims of crime, victimization in the general population, as the so-called victimological citizen survey, expert interviews with criminal justice workers and formal and legal analysis of criminal cases in accordance with type of crime.

Findings and their discussion. Victimological monitoring the situation and analysis of its findings made it possible to evaluate:

- The opinion of the respondents about their level of protection from criminal impact;
- Nature of the relationship between victims and criminals and in precriminal and criminal situation;
- “Quality” of post-criminal behavior and activity of victims in criminal proceedings;
- The level of legal and social protection of crime victims.

Conclusion. The study showed the need to improve legislation regarding the protection of the rights and legitimate interests of victims and the development of organizational and legal system and preventive measures to prevent the development of criminal victimization in the borderline areas.

Key words: borderline areas, crime, victims of crime, victimization, victimization situation, victimological survey, expert interviews, criminal process, legal status of victims.

В 2013–2014 годах совместными усилиями исследователей юридического факультета Витебского государственного университета и факультета психологии и права Смоленского гуманитарного университета реализуется исследовательский проект «Криминальная виктимизация приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): сравнительный анализ», выполняемый на основе грантов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного фонда (РГНФ).

В рамках реализации проекта проводился мониторинг виктимологической ситуации в Витебской области Республики Беларусь и Смоленской области Российской Федерации с использованием таких инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений, виктимности населения в целом, как так называемый виктимологический опрос граждан, экспертный опрос работников системы уголовной юстиции и формально-правовой анализ уголовных дел по видам преступлений.

Проведение мониторинга виктимологической ситуации, включающего в себя виктимологический опрос населения, экспертный опрос, а также выборочный анализ архивных уголовных дел (на основе специально разработанной формы) позволяют оценить:

- мнение респондентов об уровне их защищенности от криминального воздействия;
- уровень доверия граждан правоохранительной системе;
- роль жертвы в механизме преступления;
- характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации;
- мнение граждан о необходимости мер виктимологической профилактики информационного характера;
- характер посткриминального поведения потерпевших, включая активность потерпевших в уголовном процессе;
- уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений;
- необходимость совершенствования законодательства в части защиты прав и законных интересов потерпевших и др.

Целью научной работы является не имеющее аналогов комплексное сравнительное исследование виктимологической ситуации в приграничных районах РБ и РФ (Витебская и Смоленская области), факторов, ее обуславливающих, и разработка системы организационно-

правовых и профилактических мер предупреждения развития криминальной виктимности в приграничных районах.

Материал и методы

Виктимологический опрос проводился с использованием группового анкетирования на основе совместно разработанной анкеты-опросника, которая включала в себя около 40 позиций, содержащих от 2 до 10 формализованных ответов на вопросы анкеты, а также 4 позиции, касающиеся социально-демографических характеристик респондентов.

Выборка строилась по квотно-пропорциональному принципу, классифицирующему население по основным социальным и демографическим показателям. На последнем этапе формирования выборки опрашиваемые отбирались случайным образом.

Опрос проводился одновременно в Витебске и Смоленске; выборка составила более 700 человек в возрасте старше 18 лет, из них в г. Витебске было опрошено 307 человек, в г. Смоленске – 400.

Экспертный опрос был также проведен одновременно в Витебской и Смоленской областях. Для опроса использовался совместно разработанный «Опросник эксперта», включавший 30 вопросов, направленных на оценку поведения потерпевших от различных видов преступлений в процессе преступного посягательства и в посткриминальный период, включая основные стадии уголовного процесса; оценку уровня их защищенности и необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части защиты прав и законных интересов потерпевших.

В экспертном опросе участвовало по 70 экспертов:

– с белорусской стороны – судьи (20 чел.), следователи (35 чел.), прокурорские работники (15 чел.);

– с российской стороны – судьи (31 чел.), следователи (15 чел.), прокурорские работники (12 чел.), адвокаты – (8 чел.); сотрудники Аппарата уполномоченного по правам человека в Смоленской области (4 чел.)

Виктимологический анализ уголовных дел проводился в г. Витебске и Витебской области и, соответственно, в г. Смоленске и Смоленской области.

Эмпирическую базу исследования составили:

В Витебске и Витебской области: результаты изучения материалов 140 уголовных дел об убийстве, умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, изнасиловании, краже, грабеже и мошенничестве (ст. 139, 147, 166, 205, 206, 209 УК РБ), рассмотренные районными судами г. Витебска и Витебской области в период 2008–2013 гг.

В Смоленске и Смоленской области: результаты изучения материалов 148 уголовных дел по аналогичным составам (ст. 105, 111, 131, 158, 161, 159 УК РФ), рассмотренные судами г. Смоленска и Смоленской области в период 2008–2013 гг.

Результаты и их обсуждение

Уровень защищенности от криминального воздействия оценивается и российскими, и белорусскими респондентами, в целом, как недостаточно высокий, причем россияне опасаются криминальных проявлений в отношении себя больше белорусов.

Так, 54% опрошенных россиян и 34% белорусов считают, что за последние два года жизнь в их стране стала «опаснее» и «скорее опаснее»; о том, что она стала «безопаснее» и «скорее безопаснее», полагают соответственно – 31% и 51%.

Представляют интерес существенные различия в оценках российских и белорусских респондентов характера испытываемых ими опасений. Так, боязнь убийства или причинения вреда здоровью присуща 37% опрошенных россиян и 18% белорусов; опасение лишиться имущества в результате преступления испытывают 33% российских и 23% белорусских респондентов; произвола со стороны правоохранительных органов опасаются 25% россиян и 21% белорусов; разорения и нищеты, а также болезней, алкоголизма опасается примерно равное число опрошенных респондентов обеих стран.

На вопрос анкеты «Чувствуете ли Вы себя защищенным от преступных посягательств?» положительно ответили только 10% жителей г. Смоленска и 22% г. Витебска, отрицательно – соответственно 31% и 26%; ощущают себя защищенными «не в полной мере» – 59% россиян и 52% белорусов; ничего не опасаются 8% российских и 12% белорусских респондентов.

Более всего респонденты опасаются стать жертвами следующих преступлений: причинения вреда здоровью – 60% российских и 50% белорусских; сексуального насилия – 29% и 14%; мошенничества – 22% и 14%; ограбления – 14% и 5% соответственно; кражи – по 13%.

Обращает на себя внимание, таким образом, существенная разница в «качестве» оценок криминальных рисков белорусскими и российскими респондентами, что, видимо, можно считать отражением криминальной реальности двух стран.

Уровень доверия граждан правоохранительной системе – по итогам опроса – оставляет желать лучшего.

На вопрос «Доверяете ли Вы правоохранительным органам (полиция, следственный комитет, прокуратура)?» утвердительно ответили только 17% российских и 29% белорусских респондентов, отрицательно – 25% и 16%, доверяют «не в полной мере» – соответственно 58% и 55%.

Интересно, что эти результаты коррелируют с данными ежегодно проводимых МВД исследований уровня доверия населения органам правопорядка. Так, например, в Витебской области уровень доверия к милиции в последние годы чуть превышает 30%.

К сожалению, недостаточен и уровень доверия респондентов к судебной системе, причем различия в оценках россиян и белорусов здесь также очевидны. Как свидетельствуют результаты опроса, доверяют судам 19% российских и 35% белорусских респондентов; не доверяют – 23% и 16%; доверяют «не в полной мере» – соответственно 58% и 49%.

Связано с этим недостаточным уровнем доверия к правоохранительной системе и то, что значительная часть населения, судя по результатам опроса, считает возможным использовать самосуд как способ разрешения конфликта (так полагают 32% россиян и 25% белорусов).

Тем не менее, абсолютное большинство опрошенных (до 90%) заявили, что в случае если бы они стали жертвой насилия, кражи, мошенничества, обратились бы за помощью в правоохранительные органы.

Этот показатель намерений, впрочем, диссонирует с показателем реальных обращений жертв преступлений в правоохранительные органы: только 58% из числа опрошенных, заявивших, что в течение последних трех лет стали жертвами преступлений, ответили, что обратились к ним за помощью.

Уровень виктимности населения. Как показал виктимологический опрос, жертвами различных преступлений в течение жизни становились: среди опрошенных россиян – 13% неоднократно и 33% единожды; среди белорусов – 10% неоднократно и 24% единожды.

В течение *последних трех лет* потерпевшими от преступления становились, согласно опросу, 21% россиян и 15% белорусов.

Сравним эти результаты опроса с данными официальной статистики – за 2011–2013 гг. в качестве потерпевших в Витебской области было зарегистрировано около 30 тысяч человек, что составляет порядка 2,5% населения региона [1]. Разница, таким образом, шестикратная.

Данные результаты, очевидно, свидетельствуют о высокой виктимологической латентности, которая по экспертным оценкам достигает 60–70% [2].

Респонденты указали, что в отношении них были совершены следующие преступления:

Умышленное причинение вреда здоровью – 15% россиян и 4% белорусов; кража – 41% и 37%; мошенничество – 24% и 15%, грабеж, разбой – 12% и 5%; вымогательство – 5% и 7%; угон автотранспорта – 12% и 4%; клевета – 17% и 4% соответственно.

Очевидно, таким образом, что граждане чаще становятся жертвами краж и мошенничества и существенно реже – насильственных преступлений.

В целом, это согласуется с данными официальной уголовной статистики: в числе потерпевших жертвы краж составляют более 60%, а потерпевшие от преступлений против жизни и здоровья – около 5% [3].

Следует отметить различие в характере криминального воздействия на жертв преступлений в РФ и РБ: судя по опросу, россияне чаще становятся жертвами насильственных преступлений, мошенничества, угона транспортных средств и клеветы.

Характер взаимоотношений между потерпевшим и преступником. Анализ результатов мониторинга позволяет, наряду с прочим, оценить характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации, их роль в механизме преступления.

В монографии «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности» один из основателей виктимологии – Г. Гентиг – отмечал, что между преступником и жертвой преступления существует негласное взаимопонимание и имеют место т.н. интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности [4, с. 182–183]. Судебная практика свидетельствует, что характер взаимоотношений между преступником и жертвой очень часто не только способствует зарождению мысли о преступном посягательстве, но и оказывает существенное влияние на выбор правонарушителем способа и средств совершения преступления (на это указывают в своих работах такие ученые-виктимологи, как В.И. Полубинский и А.Л. Ситковский [5]).

Взаимоотношения между правонарушителем и потерпевшим вносят существенные коррективы как в решение вопроса о возможности преступного посягательства, так и в выбор средств и способов совершения преступления. Это могут быть отношения родственные, интимные, соседские, дружеские, служебные. Социальные связи в определенной степени влияют как на существо конфликтов, приведших к преступлению, так и на динамику развития криминальной ситуации. Достаточно указать на так называемую бытовую преступность, в которой наиболее ярко проявляются устойчивые отношения между преступником и потерпевшим.

Анализ характера взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации при изучении уголовных дел свидетельствует о том, что около половины жертв преступлений (57% в Смоленской и 48% в Витебской области) находилась с преступником в той или иной степени личных отношений.

При этом в родственных отношениях с преступником состояло соответственно 9% и 5% жертв преступлений; в любовных отношениях – 5% и 6%; являлись друзьями – 4% и 9%; были коллегами по работе – 41% и 3%; были «просто знакомы» – 38% и 25% потерпевших соответственно.

Представляет интерес анализ характера отношений между жертвой и преступником по отдельным видам преступлений.

Среди жертв *убийств* состояли в личных отношениях с преступником 92% потерпевших в Смоленской и 87,5% в Витебской области. При этом 12,5% состояли в любовных отношениях, в родстве – 33,5% и 8,3% соответственно; были «просто знакомы» с преступником – по 46%.

Среди жертв *изнасилования* состояли в личных отношениях с преступником соответственно 55,5% и 43% потерпевших. При этом были «просто знакомы» – 44,5% и 29%; не были знакомы – 46% и 57% жертв изнасилования соответственно.

Среди жертв *умышленного причинения тяжкого телесного вреда здоровью* состояли в личных отношениях с преступником 78% и 74% потерпевших.

Из них ранее были просто знакомы – 48% и 28%; состояли в любовных отношениях – 9% и 22%; были друзьями – 12% и 17%; состояли в родстве – 9% и 13%, причем в Витебской области в двух случаях жертвой стала мать преступника, в одном – жена.

Среди жертв *кражи* состояли в личных отношениях с преступником 42% и 36% потерпевших. При этом ранее были «просто знакомы» с преступником – 28% и 21% потерпевших; являлись друзьями – 5% и 12%; коллегами по работе – по 3%.

Среди жертв *грабежа* состояли в личных отношениях с преступником 33% и 17% потерпевших. При этом все они ранее были «просто знакомы» с преступником. Для данной категории преступлений наличие длительных личных связей преступника и жертвы не характерно.

Среди жертв *мошенничества* состояли в личных отношениях с преступником 37% и 39% потерпевших. При этом в Витебской области ранее были «просто знакомы» с преступником 23%; состояли в родстве 8%; являлись друзьями – 8% жертв мошенничества.

Таким образом, самый высокий процент личных отношений между преступником и жертвой характерен для насильственных преступлений и, прежде всего, убийств (92% и 87,5%) и причинения тяжких телесных повреждений (78% и 74%). Это обстоятельство определяется, видимо, тем, что для данного вида преступлений характерен так называемый бытовой характер.

Относительно высок процент личных связей между преступником и жертвой также при совершении изнасилований, краж, мошенничества.

Еще одним существенным виктимологическим аспектом взаимоотношений преступника и жертвы следует считать *тип поведения жертвы*, предшествующий преступлению.

Исходя из поведения потерпевшего, ситуации, предшествующие преступлению, можно разделить на три группы:

1. Ситуации, в которых действия потерпевшего носят провоцирующий характер, содержат в себе повод для совершения преступления (противоправное или (и) аморальное поведение).
2. Ситуации, в которых действия потерпевшего являются положительными (правомерными, но вызывающими противоправное поведение преступника).
3. Ситуации, в которых действия потерпевшего носят нейтральный характер, не содержат в себе повода для совершения преступления.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что более чем в половине случаев (68% и 52%) поведение жертв преступлений носило нейтральный характер. В то же время в 23% и 28% случаев – поведение жертвы имело характер активной провокации, в 7% и 20% – действия потерпевшего являлись положительными.

При этом преобладающие личностные характеристики жертв преступлений распределяются в следующих пропорциях (по убывающей):

- легкомысленность и эмоциональность – 38,5% и 46% случаев;
- доверчивость – 43,5% и 37%;
- агрессивность – 16,5% и 17%;
- корыстолюбие – 1,5% и 4%.

Значительно различаются типы поведения жертвы в зависимости от вида преступления.

Убийство. 62% и 71% жертв убийств проявляли активное виктимное поведение, в большинстве случаев аморальное, в 12% и 4% – преступное.

42% и 46% жертв при этом проявляли агрессивность, 29% и 12% – доверчивость и повышенную эмоциональность.

Нейтральным являлось поведение 17% и 25% жертв, положительным – 21% и 4%. Преобладающими личностными характеристиками данных жертв являлись легкомысленность, доверчивость и эмоциональность.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Активную провокацию проявили 39% и 70% жертв, нейтральное поведение было характерно для 58% и 26% и положительное – для 3% и 4% жертв. Преобладающими типами поведения являлись агрессивность – 34% и 52% и легкомысленность – 39% и 17%. Повышенная эмоциональность и доверчивость были характерны для 27% и 26% жертв.

Изнасилование. Активное виктимное поведение было характерно для 22% и 29% жертв, нейтральное – для 78% и 71%.

Преобладающие личностные характеристики жертвы изнасилования:

- доверчивость – 78% и 57%;
- легкомысленность – 22% и 43%.

Кража. Активное виктимное поведение проявили лишь 14% и 6% жертв соответственно, нейтральное поведение было преобладающим у 81% и 94%.

Основные личностные характеристики жертвы, обусловившие виктимность, – легкомысленность – 47% и 61%; излишняя доверчивость 42% и 39%.

Грабеж. Активную провокацию проявили 7,5% и 7% жертв, нейтральное поведение было характерно для 92,5% и 93% жертв.

Личностные характеристики жертв грабежа:

- легкомысленность – 52% и 62%;
- доверчивость и эмоциональность – 48 % и 38%.

Мошенничество. Нейтральное поведение было характерно для подавляющего большинства потерпевших – 89% и 58%. 11% и 42% жертв соответственно проявили положительное поведение.

Преобладающие личностные характеристики жертв мошенничества:

- доверчивость и эмоциональность – 68% и 70%;
- легкомысленность – 21% и 36%;
- корыстолюбие – 11% и 4%.

Базовым постулатом современной криминальной виктимологии является утверждение о том, что поведение жертвы преступления оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения – оно может облегчать и даже провоцировать его или напротив – сделать невозможным преступное посягательство (либо свести его вероятность к минимуму или, по крайней мере, позволит избежать серьезных отрицательных последствий криминала). Представляет интерес, в связи с этим, оценка – в общественном мнении – роли жертвы в механизме преступления.

Как свидетельствуют результаты проведенного *виктимологического опроса*, примерно две трети респондентов (62% россиян и 63% белорусов) полагают, что поведение жертвы и ее личные качества влияют на поведение преступника и характер преступления. Коррелирует с этим показателем и число тех респондентов (65% в обеих странах), кто сталкивался со случаями (в своей жизни или среди знакомых), когда преступление можно было предотвратить, если бы жертва была более предусмотрительна.

Стоит, тем не менее, отметить, что значительная часть опрошенных – 38% россиян и 37% белорусов – считают, что жертва оказывает незначительное влияние либо вообще не влияет на поведение преступника и характер преступления.

Опрос экспертов также показал, что, с точки зрения их практики, жертвы преступлений играют существенную роль в механизме преступления – 66% российских и 72% белорусских экспертов считают, что потерпевший либо провоцирует совершение в отношении него преступления, либо ведет себя излишне доверчиво, легкомысленно, и только 34% и 28% соответственно – что выбор жертвы носит случайный характер.

Отвечая на вопрос «При совершении каких преступлений жертва чаще ведет себя провокационно?» 61% и 64% относят такое поведение жертвы к преступлению изнасилования, 49% и 44% – к умышленному причинению вреда здоровью, 41% и 28% – к побоям, 24% и 23% – к убийству, 4% и 16% – к краже.

При этом жертвы *убийств*, с точки зрения 39% и 58% опрошенных, провоцируют его совершение аморальным поведением; 24% и 17% полагают, что жертвы убийств провоцируют убийцу своим противоправным поведением; 11% и 2% – что жертвы убийств ведут себя положительно (заступаются за других, выполняют профессиональный или общественный долг и пр.); 26% и 24% экспертов считают поведение жертвы убийства нейтральным.

Жертвы *причинения вреда здоровью* провоцируют его совершение аморальным поведением по мнению 33% и 63% опрошенных экспертов; 26% и 23% полагают, что жертвы провоцируют причинителя вреда своим противоправным поведением; 11% и 7% – что жертвы ведут себя положительно; 30% и 16% экспертов считают поведение данной категории жертв нейтральным.

Жертвы *изнасилований* активно провоцируют преступника по мнению 60% экспертов; ведут себя излишне доверчиво или неосторожно с точки зрения 26% и 34% и нейтрально – 14% и 6% экспертов соответственно.

Жертвы *краж* – не принимают необходимых мер безопасности по мнению 91% российских и 100% белорусских экспертов.

Жертвы *грабежей и разбоев* ведут себя неосторожно с точки зрения 89% и 93% экспертов (11% и 7% соответственно полагают, что жертва ведет себя в этих случаях нейтрально или даже осторожно).

Жертвы *мошенничества* становятся таковыми из-за проявлений:

- излишней доверчивости (50% и 79% экспертов);
- корыстолюбия (27% и 21%);
- низкой правовой культуры (23% и 21%).

Итак, подавляющее большинство насильственных преступлений – результат бытовых конфликтов, свидетельствующих о глубокой деморализации микросоциальных отношений, неуважении близких друг к другу, их невоспитанности и низкой культуре.

С точки зрения роли потерпевшего в генезисе преступлений, совершаемых на основе специфических отношений между преступником и потерпевшим, большинство жертв условно можно подразделить как минимум на два типа:

нейтральные – не влияющие на зарождение и развитие преступления и лишь по стечению обстоятельств находящиеся с потенциальным преступником в определенных отношениях;

провоцирующие – собственными действиями толкающие потенциального преступника на противоправное деяние либо создающие благоприятную обстановку для совершения преступления.

При этом провокация может быть связана как с противоправным или аморальным, так и с положительным поведением потерпевшего (например, заступился за друга или родственника, пытался успокоить конфликтующих).

Данная классификация позволяет в определенной мере выявить характеристики потерпевших от преступления, установить, кто чаще из них подвергается виктимологическому риску, на этой основе осуществлять профилактику возможных жертв, совершенствовать формы и методы борьбы с преступностью.

Активное провоцирующее виктимное поведение характерно, прежде всего, для жертв насильственных преступлений (более 90% жертв убийств, более 70% причинения тяжких телесных повреждений).

Данный показатель коррелирует с показателем высокого уровня личных отношений между преступником и жертвой в насильственных преступлениях, что определяется, прежде всего, их бытовым характером.

Весьма интересным является вопрос о том, в какой степени учитываются особенности потерпевшего или его поведение в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства при рассмотрении и разрешении уголовного дела в суде.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что в качестве смягчающего обстоятельства особенности поведения потерпевшего были учтены в 8,5% случаев в Смоленской области и 4% – в Витебской (противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему); в качестве отягчающего – в 2% и 1% случаев соответственно (совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного).

В остальных случаях эти обстоятельства никак не учитывались судом.

Характер посткриминального поведения жертв, включая поведение потерпевших в уголовном процессе. Посткриминальное поведение – это правовое поведение после совершения преступления, осуществляемое в рамках и в связи с реализацией охранительного уголовного правоотношения [6, с. 45].

Понятие посткриминального поведения и его видов в правовой литературе используется, прежде всего, для характеристики поведения лица, совершившего преступление. На наш взгляд, приведенное определение возможно распространить и на характеристику поведения жертвы преступления.

Посткриминальное поведение жертв преступлений определяет многое: оно в значительной степени влияет на уровень латентности преступлений; существенно сказывается на качестве расследования и результатах судебного рассмотрения уголовных дел, поскольку может оказать (и часто оказывает) позитивное или негативное воздействие на лицо, совершившее преступление, и других участников процесса.

При возможности классификации посткриминального поведения на виды по различным основаниям (в зависимости от стадий посткриминального поведения и целей, преследуемых законодателем на той или иной стадии; с точки зрения отраслевой принадлежности; в плане соответствия посткриминального поведения правовым требованиям), посткриминальное поведение в криминологии чаще всего подразделяют на правомерное (позитивное) и неправомерное (негативное). Иногда выделяется также т.н. нейтральный тип поведения.

Под правомерным поведением понимается позитивная направленность поведения потерпевшего, оказывающего содействие правоохранительным органам в привлечении виновного к уголовной ответственности, предоставлении им правдивых показаний и доказательств по уголовному делу, отягчающих или смягчающих ответственность виновного с

целью его справедливого наказания. Положительное поведение потерпевшего обычно является следствием его правосознания и не зависит от отношения потерпевшего к преступнику.

Неправомерное (негативное) поведение потерпевшего включает в себя создание препятствий для установления истины по делу, непредоставление информации и вещественных доказательств, дачу ложных показаний, введение следствия в заблуждение и др. Этот вид поведения может быть выбран под влиянием двух различных мотивационных факторов: положительного и отрицательного отношения к субъекту преступления и диаметрально противоположных целей – наказать виновного или, напротив, сделать все, чтобы виновный избежал уголовной ответственности [7, с. 24].

Как показал проведенный *виктимологический опрос*, большинство опрошенных, ставших жертвами преступления (76% – Российская Федерация, 58% – Республика Беларусь) обратились в правоохранительные органы. Показательно, что число тех, кто никому ничего о преступлении не сообщал среди опрошенных граждан Республики Беларусь почти в два раза выше, чем в Российской Федерации. Очевидно, это связано с большой консервативностью белорусского общества, осторожностью поведения и боязнью огласки. Вместе с тем, это свидетельствует о высокой латентности преступности.

На вопрос анкеты «Если Вы не сообщили о преступлении правоохранительным органам, то почему Вы так поступили?» были получены следующие ответы: «Не хотел афишировать произошедшее (это касается только меня)» – 80% Российская Федерация и 32% Республика Беларусь, «Из-за незначительного ущерба» – 85% и 42% соответственно, «Не доверяю правоохранительным органам» – 60% и 10%, «Опасаясь мести со стороны криминальной среды, соучастников преступника» – 25% и 6%, «Не желаю подводить своих родных, знакомых» – 10% и 6% соответственно.

С точки зрения же экспертов, основной причиной того, что жертвы преступления, в ряде случаев, не обращаются в правоохранительные органы, является нежелание афишировать происшедшее по личным мотивам – так полагает 53% российских и 72% белорусских экспертов. Незначительностью ущерба объясняют этот феномен соответственно 24% и 23%, недоверием правоохранительным органам 49% и 17%, опасением мести со стороны криминальной среды – 14% и 16% опрошенных экспертов соответственно.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что в посткриминальном поведении потерпевших (на стадии предварительного следствия) преобладает правомерный вид поведения.

При этом правомерное поведение жертв преступлений можно подразделить на два типа: правомерный активный (потерпевший является по вызову следователя и суда, заявляет ходатайства, представляет доказательства и т.п.) и правомерный пассивный (дает показания, но ходатайств не заявляет, доказательств не представляет). В.М. Быков предложил для этих типов другие названия: добросовестный активный и добросовестный пассивный типа.

Два этих типа правомерного поведения представлены в рассматриваемых уголовных делах практически в равных пропорциях.

Неправомерный (недобросовестный) тип поведения – (потерпевший не желает давать правдивые показания, не идет на контакт со следователем, препятствует расследованию) нашел отражение в поведении только 1 потерпевшего (менее 1%) в Смоленской и 7 потерпевших (6%) – в Витебской области.

По отдельным видам преступлений:

Причинение тяжких телесных повреждений – правомерный активный тип поведения – 46,5% в Смоленской области и 9,5% – в Витебской, правомерный пассивный – 50% и 62%, неправомерный (недобросовестный) – 4% и 28,5% соответственно.

Изнасилование – правомерный активный тип поведения – 69% и 28,5%, правомерный пассивный – 78% и 71,5%.

Кража – правомерный активный тип поведения – 69% и 57,5%, правомерный пассивный – 31% и 42,5%.

Грабеж – правомерный активный тип поведения – 67% и 72%, правомерный пассивный – 33% и 24%.

Мошенничество – правомерный активный тип поведения – 47% и 50%, правомерный пассивный – 53% в Смоленской и 50% в Витебской области.

Таким образом, правомерный вид поведения в абсолютном выражении характерен для поведения потерпевших от корыстных преступлений, причем преобладает здесь активный позитивный тип поведения.

Неправомерный вид поведения проявился, прежде всего, в поведении жертв насильственных преступлений.

Интересно, что для потерпевших от насильственных преступлений в Витебской области, более чем для смолян, характерен пассивный тип поведения (в рамках правомерного); отмечается также большее число потерпевших, ведущих себя неправомерно.

Данное различие отмечается и по результатам *опроса экспертов* двух стран. Так, только 6% смоленских экспертов считают, что потерпевшие ведут себя на стадии предварительного следствия недобросовестно; среди витебских экспертов таковых почти в два раза больше (11%).

В то же время примерно равное число экспертов из России и Беларуси (56% и 51% соответственно) полагают, что потерпевшие на стадии предварительного расследования чаще всего ведут себя пассивно (не интересуются ходом расследования, не заявляют ходатайств и т.п.); 38% российских и 43% белорусских экспертов, при этом, отмечают активный правомерный тип поведения потерпевших.

Уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений. Как показал виктимологический опрос, подавляющее большинство респондентов, ставших жертвами преступления (свыше 80%), не нуждались в психологической помощи и не обращались за ней. Тем не менее, 87% опрошенных россиян и 70% белорусских респондентов полагают, что в стране необходима служба, которая оказывала бы правовую и психологическую помощь жертвам преступления.

Потребность потерпевших в юридической помощи оказалась значительно выше – об этом заявили 37% российских и 38% белорусских потерпевших. Обращались же за юридической помощью 39% опрошенных потерпевших в Витебской области и, значительно более, 64% – в Смоленской. При этом 30% российских и 12% белорусских респондентов остались недовольны оказанной юридической помощью, 25% и 45% соответственно – были удовлетворены «не в полной мере».

Обращение в правоохранительные органы, по данным опрошенных, привело к следующим результатам: «преступление было раскрыто и виновный понес наказание» – 29% российских потерпевших и 38% белорусских; «преступление не было раскрыто» – 42% и 24% соответственно; «меня отговорили от подачи заявления сотрудники правоохранительного аппарата, в который я обратился» – по 7%; «мне не сообщили о результатах проверки заявления» – 5% и 10%; «было достигнуто примирение сторон» – 11% и 5% соответственно.

Важнейшей проблемой сегодня является превращение жертвы в центр отправления правосудия, необходимость сбалансировать ее права с правами обвиняемого, возмещение ущерба и снижение тяжести последствий преступления.

Весьма существенной для понимания роли потерпевшего в посткриминальной ситуации и уровня правовой и социальной защищенности жертв преступлений является проблема участия потерпевших в судебном заседании, обеспечения их процессуальных прав, возмещения морального и материального ущерба.

В соответствии с законодательством суды должны предпринимать предусмотренные законом меры к обеспечению участия потерпевшего в судебном заседании. В случае неявки потерпевшего суд решает вопрос о продолжении разбирательства уголовного дела либо о его отложении. При этом судебное разбирательство в отсутствие потерпевшего может быть проведено только тогда, когда полное выяснение всех обстоятельств дела и обеспечение защиты прав и законных интересов потерпевшего возможны без его явки. Согласно законодательству, при неявке потерпевшего суд рассматривает уголовное дело в его отсутствие, за исключением случаев, когда явка потерпевшего признана судом обязательной.

Потерпевший может быть подвергнут приводу по мотивированному постановлению (определению) суда и при наличии достоверных данных, подтверждающих неуважительность причин его неявки в судебное заседание.

На основании анализа уголовных дел можно сделать вывод, что участие потерпевших в уголовном процессе обеспечивается не в полной мере.

Как показал *виктимологический опрос*, значительная часть потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы, – 42% российских и 60% белорусских – в судебном разбирательстве по факту совершения в отношении их преступления не участвовала. Среди тех же, кто принимал участие в судебном разбирательстве, удовлетворенными его результатами оказались лишь 25% россиян и 32% белорусов; не в полной мере получили удовлетворение соответственно 14% и 34%; 61% российских и 34% белорусских опрошенных выразили свое неудовлетворение.

Анализ уголовных дел также свидетельствует о том, что участие потерпевших и их представителей в уголовном процессе обеспечивается не в полной мере.

Так, по делам об убийстве представители потерпевшего участвовали в судебном процессе лишь в 37% исследованных случаев в Смоленской области и 33% случаев – в Витебской.

Из общего числа потерпевших по другим исследованным делам в судебном заседании не принимали участия 12% россиян и почти 10% потерпевших белорусов.

При этом не участвовали в судебном заседании:

- среди жертв умышленного причинения тяжкого телесного повреждения – 15% в Смоленской и 14% потерпевших в Витебской области;
- среди жертв краж – 14% и 9% соответственно;
- среди жертв грабежа – 22% и 10%;
- среди жертв мошенничества – 16% и 8%.

Участие в уголовном процессе потерпевшего, его законного представителя не исключает возможности одновременного участия в деле представителя потерпевшего, который осуществляет права и выполняет обязанности, предусмотренные законом.

В отличие от законного представителя, признание которого и допуск к участию в производстве по уголовному делу не зависит от воли потерпевшего, представителем потерпевшего может признаваться только лицо, уполномоченное потерпевшим или его законным представителем представлять его интересы при производстве по делу.

Как показывает практика, и это отмечено, например, в Концепции защиты жертв преступной деятельности, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 74 от 20.01.2006 [8], в силу различных причин, прежде всего обусловленных материальными затратами, потерпевшие недостаточно активно используют при защите своих интересов помощь адвокатов.

Проведенный нами анализ уголовных дел свидетельствует о том, что представители потерпевших участвовали в процессе лишь в 34% случаев в Смоленской области и 43% случаев – в Витебской; при этом в подавляющем большинстве случаев (соответственно 86% и 95%) представителем потерпевшего выступал адвокат.

По отдельным видам преступлений потерпевшие пользовались помощью представителей по делам:

- об умышленном причинении вреда здоровью* – в 51% и 40%;
- об изнасиловании* – в 55% и 85%;
- о краже* – в 25% и 33%;
- о грабеже* – в 77% и 45%;
- о мошенничестве* – в 31% и 54% случаев соответственно.

Существенное значение здесь имеет то обстоятельство, что, в отличие от обвиняемого, потерпевший от преступления по законодательству РФ и РБ обладает правом на бесплатную юридическую помощь. Следует отметить, правда, что в последнее время в РФ в этом вопросе произошли некоторые положительные перемены: в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ с 1 января 2015 года статья 45 УПК РФ будет дополнена частью 2.1 следующего содержания: «2.1. По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета» [9].

В ряде международных документов, принятых еще в 80-е годы прошлого века, признается особый статус жертв преступлений и их право на возмещение вреда, причиненного

преступными посягательствами. Тем самым были заданы международные стандарты в области защиты прав жертв преступлений. К числу таких документов можно отнести, например, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятую Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985.

Очевидно, однако, что возможности дальнейшего совершенствования статуса жертвы преступления на основе указанной Декларации ООН и других международно-правовых документов реализуются и в РФ, и в РБ еще недостаточно полно, особенно с учетом существующих более высоких требований законодательства развитых стран мирового сообщества по защите прав жертв преступной деятельности. Например, в Европейской конвенции от 24 ноября 1983 г. о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений предусмотрено, что оно производится за счет государства, если не может быть обеспечено из других источников, для лиц, которым нанесен серьезный урон физическому состоянию и здоровью или которые находились на иждивении погибших в результате таких преступлений.

Действующее национальное законодательство, гарантируя потерпевшим право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба, предусматривает следующие ее способы: 1) заявление гражданского иска в уголовном деле; 2) подача иска в рамках гражданского судопроизводства; 3) добровольное возмещение или заглаживание вреда (в том числе в рамках примирения сторон, деятельного раскаяния); 4) уголовно-процессуальная реституция (от лат. *restitutio* – восстановление), под которой в специальной литературе понимается восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления (Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования): монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 49); 5) компенсация вреда государством.

Проведенный анализ уголовных дел показывает, что и в данном отношении законные права потерпевших не обеспечиваются в достаточной степени.

Так, гражданский иск был заявлен потерпевшими в изученных российских делах в 60% случаев, а в белорусских – только в 32% случаев. При этом иск был удовлетворен полностью в 53% случаев в Смоленской области и 67% случаев в Витебской, удовлетворен частично – соответственно в 21,5% и 20%; оставлен без рассмотрения – в 2% и 4% случаев; признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – в 23,5% и 8% случаев заявления иска соответственно.

По отдельным видам преступлений:

Убийство – гражданский иск заявлен в 58% случаев исследованных смоленских и 29% витебских дел, удовлетворен полностью в 25% случаев заявления, удовлетворен частично в 28% смоленских случаев.

Умышленное причинение вреда здоровью – гражданский иск заявлен в 42% случаев смоленских дел и 13% витебских, удовлетворен полностью в 93% смоленских случаев и частично – во всех витебских.

Изнасилование – гражданский иск заявлен в 44% смоленских и 28,5% витебских случаев, удовлетворен полностью соответственно в 50% и 100% случаев.

Кража – гражданский иск заявлен в 78% смоленских и 36% витебских случаев, удовлетворен полностью в 54% и 50% случаев заявления соответственно; удовлетворен частично – в 18% и 25% случаев; в 25% и 8% случаев признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Грабеж – гражданский иск заявлен в 63% смоленских и 41% витебских случаев, удовлетворен полностью в 41% и 67% случаев заявления; удовлетворен частично – в 17% и 16%; признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – в 41% и 17% случаев заявления соответственно.

Мошенничество – гражданский иск заявлен в 68% смоленских и 35% витебских случаев, удовлетворен полностью в 69% и 89% случаев; удовлетворен частично – соответственно в 31% и 11% случаев заявления.

В целом, причиненный преступлением вред не был возмещен в рамках рассмотренных уголовных дел в отношении 34% российских и 37% белорусских потерпевших. В 17% и 15% случаев соответственно – вред был возмещен добровольно; в 16% и 22% случаев – похищенная вещь была возвращена в натуре (реституция); в 41% и 26% – был удовлетворен гражданский иск в уголовном деле.

По видам преступлений:

Убийство – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 58% смоленских и 75% витебских дел.

Умышленное причинение вреда здоровью – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 30% смоленских и 48% витебских случаев, в 34% и 13% соответственно – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 36% и 12% соответственно – вред возмещен добровольно.

Изнасилование – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 44% смоленских и 71% витебских дел, в 33% и 29% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 23% смоленских случаев вред возмещен добровольно.

Кража – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 28% смоленских и 9% витебских дел, в 56% и 27% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 19% и 27% – вред возмещен добровольно, в 33% и 36% случаев соответственно – похищенная вещь была возвращена в натуре (отметим, что имели место и сразу несколько способов возмещения вреда).

Грабеж – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 30% смоленских и 21% витебских случаев, в 41% и 31% соответственно – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 4% и 10% – вред возмещен добровольно, в 25% и 38% – похищенная вещь была возвращена в натуре (реституция).

Мошенничество – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 26% смоленских и 19% витебских случаев, в 68% и 31% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 5% и 19% – вред возмещен добровольно, в 5% и 31% – похищенная вещь была возвращена в натуре (отметим, что имели место и сразу несколько способов возмещения вреда).

В соответствии с законом судья по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей либо прокурора вправе вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества. Очень важно, чтобы указанные меры были приняты своевременно.

Как показал проведенный анализ, **меры по обеспечению гражданского иска (наложение ареста на имущество)** предпринимались только в единственном случае из всех рассмотренных смоленских дел (по делу о краже) и только в 8% случаев рассмотренных витебских дел.

Данные *виктимологического опроса* подтверждают нерешенность данной проблемы. В полном объеме, как свидетельствуют респонденты, получили компенсацию причиненного преступлением вреда лишь 15% потерпевших россиян и 7% белорусов, частично – 8% и 27% соответственно, не получили компенсации – 77% россиян и 66% белорусов.

В тех случаях, когда вред был возмещен, в большинстве случаев (57% россияне и 43% белорусы) виновный возместил или загладил вину добровольно, вернули похищенную вещь – 15% и 30% соответственно, был заявлен гражданский иск в уголовном деле – 21% и 24%.

Необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части защиты прав и законных интересов потерпевших, таким образом, очевидна.

Об этом свидетельствуют и результаты экспертного опроса. Так, более 60% экспертов обеих стран высказались за создание специального государственного Фонда помощи жертвам преступлений, средства которого шли бы на выплату ущерба при неплатежеспособности преступника, а также в пользу организации государственной службы, которая оказывала бы правовую и психологическую помощь жертвам преступления.

Более 60% экспертов считают целесообразным введение в процессуальное законодательство норм об упрощенном (приказном) порядке гражданского судопроизводства по искам потерпевших от преступлений и включении в качестве обязательного требования при применении амнистии компенсации потерпевшему причиненного преступлением вреда; столько же – 60% – полагают необходимым введение института медиации по уголовным делам. 76%

российских и 57% белорусских экспертов видят необходимость закрепления в УПК порядка обеспечения потерпевшего бесплатной юридической помощью, 51% и 40% экспертов соответственно – принятия специального Закона о защите жертв преступлений.

Неоднозначно, как показывают результаты *виктимологического опроса*, оценивается гражданами обеих стран необходимость осуществления мер *виктимологической профилактики*.

На вопрос «Достаточно ли Вы знаете о способах совершения преступлений, чтобы вовремя распознать преступный замысел?» ответили: «Нет, мне недостает этих знаний» – 40% респондентов обеих стран; «Это бесполезно, ведь преступники всегда найдут что-то новое, чтобы обмануть свою жертву» – 36% российских и 45% белорусских респондентов; «Я знаю об этом достаточно» – 24% российских и 15% белорусских.

Значительная часть опрошенных (77% российских и 65% белорусских) считают, что обсуждать с молодыми людьми характерные способы совершения преступлений, чтобы в будущем они не попадались на уловки преступников, необходимо. Вместе с тем, значительное число респондентов (13% и 25% соответственно) полагают, что подобная информация, напротив, будет способствовать росту преступности, поскольку молодежь научится совершать преступления.

При этом две трети опрошенных обеих стран считают, что они достаточно осторожны, чтобы стать жертвой преступления, в частности мошенничества.

Сопоставление этих результатов с данными опроса экспертов свидетельствует о том, что специалисты проявляют более активную позицию в отношении необходимости распространения виктимологических знаний и проведения виктимологической профилактики.

На вопрос «Можно ли снизить виктимность (т.е. предрасположенность лица стать жертвой преступления), если проводить профилактическую работу с потенциальными жертвами?» 73% российских и белорусских экспертов ответили положительно; 27%, однако, проявили скептицизм и согласились с тем, что это пустая трата времени и сил, поскольку людям свойственно учиться на собственном опыте.

Интересно, что при этом считают необходимым более глубокое изучение виктимологии при получении юридического образования только 67% российских и белорусских экспертов.

Заключение. Следует отметить, что, к сожалению, законодательное обеспечение прав потерпевших от преступлений в Республике Беларусь не только не соответствует по ряду позиций нормам международного права, но и уступает в своем «качестве» законодательству союзного государства – Российской Федерации, где за последние годы произошли, при сохранении проблемных вопросов, определенные подвижки в рассматриваемой сфере – принят Федеральный Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», разработан проект Закона «О потерпевших от преступлений», вносятся поправки в уголовно-правовое законодательство.

На наш взгляд, существует насущная необходимость реализации положений Концепции защиты жертв преступной деятельности 2006 года, включая имплементацию ряда норм вышеуказанных международных правовых актов, определяющих правовой статус жертв преступлений.

Все это потребует разработки законодательства, основанного на субсидиарности, селективности и реституции компенсации, а также создания специального Фонда компенсаций жертвам насильственных преступлений, разработки и принятия правовых норм, регулирующих его деятельность, основания, размер компенсаций и их виды, методику расчета нанесенного вреда здоровью, морального вреда и т.д.

Проведенный мониторинг показал, что населению недостает виктимологических знаний, которые могли бы сыграть положительную роль в противодействии преступлениям. Тут необходима специальная программа, включающая проведение бесед, лекций, «круглых столов», работу информационных центров, использование телевидения, интернета, привлечение юристов-практиков, ориентированная на адресную, целенаправленную и систематизированную работу с различными категориями населения.

Очевидны также, и об этом недвусмысленно свидетельствуют результаты проведенного виктимологического мониторинга, актуальность и значимость разработки комплекса мер, направленных на защиту жертв преступлений, включая принятие ряда поправок в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы, законодательное закрепление

методики оценки возмещения вреда жертвам преступлений, механизма компенсации вреда жертвам от преступлений, принятие Закона «О правовом статусе жертв преступной деятельности», который наряду с иным специальным виктимологическим законодательством обеспечил бы эффективную защиту жертв преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сведения о зарегистрированных и расследованных преступлениях, помещенные в единый государственный банк о правонарушениях по УВД Витебского облисполкома за 2011–2013 гг. / МВД Республики Беларусь. – Информационный центр. – Минск, 2012–2014.
2. Стаценко, В.Г. Официальная и латентная преступность: об актуальности криминологического анализа / В.Г. Стаценко // Право.by. – 2012. – № 3. – С. 100–105.
3. Сведения о зарегистрированных и расследованных преступлениях, помещенные в единый государственный банк о правонарушениях по Республике Беларусь за 2013 год / МВД Республики Беларусь. – Информационно-аналитическое управление. – Минск, 2014.
4. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов / С.М. Иншаков. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с.
5. Полубинский, В.И. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография / В.И. Полубинский, А.Л. Ситковский. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 291 с.
6. Звечаровский, И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И.Э. Звечаровский. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. – 128 с.
7. Сабитов, Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, следствие) / Р.А. Сабитов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 193 с.
8. Концепция защиты жертв преступной деятельности: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20.01.2006, № 74 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон, 28.12.2013, № 432-ФЗ // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156569>. – Дата доступа: 28.05.2014.
10. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS 116) [рус., англ.]; заключена в г. Страсбурге 24.11.1983 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81–85.